

Евгений НЕСТЕРЕНКО:

«Как много может дать людям музыка...»

Предмет сегодняшней беседы возник не случайно. С небывалой прежде остротой идет в последние месяцы полемика о месте классической музыки в нашей жизни, в сфере эмоциональных впечатлений современников. Суждения народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии, солиста Большого театра Союза ССР, профессора Евгения Евгеньевича НЕСТЕРЕНКО особенно интересны, потому что необыкновенно широк круг его художественных и общественных забот. Артист, педагог, пропагандист музыки и организатор — он из тех людей, кто на всякое дело, которым занимается, по образному выражению классика, ставит «клеймо собственной личности».

— Я не люблю высоких слов «творчество», «храм искусства», — сказал Евгений Евгеньевич. — Но, очевидно, возвышенного становится все меньше в нашем деле. Художнику все труднее сохранять в себе чистоту, свежесть эмоций. И в большом, и в малом. Падает взискательность. Уверяю вас, если я, к примеру, выйду на сцену в роли Сальери, а на ногах у меня будут домашние тапочки, никто этого не заметит за кулисами, не придаст этому значения. А между тем, как рассказывал Борис Александрович Покровский, Нежданову в свое время лишили премии и летней поездки в Италию только за то, что она вышла на сцену в шляпе не того фасона, какой был положен по роли.

Можно посчитать это смешным пустяком, сказать: чудные, мол, были наши предшественники. Хуже другое: уступая в том или другом, мало-помалу мы отходим от идеалов, становимся проще, бледнее.

Я говорю о проблемах, которые есть в Большом театре, других театрах — в самом искусстве. Возникли они не вдруг, не сию минуту. Могла бы помочь в решении проблем критика. Но и прежде было, и сейчас — за редким исключением — трудно говорить о сколько-нибудь заметном влиянии критики на судьбы классической музыки.

— Вы считаете, критика недостаточно деятельна, активна?

— Классическая музыка во-

обще ею не избалована. Если судить по газетам, которые каждое утро кладут в почтовый ящик, у нас не существует музыки. Спорт — сколько хотите, «Улыбка художника» — пожалуйста. А музыка... Так, едва-едва. Что можно узнать, к примеру, об уровне мастерства лауреатов конкурса Чайковского? Разве что напечатают интервью с ними. «Что вы чувствуете, став обладателем медали?» — «Я рад, счастлив, всю жизнь мечтал». — «Как вам Москва?» — «Прекрасный город, прекрасная публика...»

Вот и получается, что музыка существует как бы сама по себе. Ее богатства сокрыты за стенами концертных залов. Ее проблемы обсуждаются в узком кругу специалистов, слышны только кулисам и стенам кабинетов. События в ней, взлеты человеческого духа едва ли сотрясают воображение так, как поражение московского «Спартака» в международном футбольном матче. Предназначенная возвышать, высветлять души, приводить в движение умственные силы, она для многих, как ни жаль, остается за пределами их жизненного круга.

— Нельзя с вами не согласиться: пропаганда серьезной музыки, в частности, и внимание газет к музыкальной жизни необходимы. И дело это требует большего энтузиазма, увлеченности и мастерства. Но если глух человек к классической

музыке сызмальства, не обучен ее понимать, слышать?..

— Вы говорите сейчас о приговорных вещах. К сожалению, многие не просто глухи к классической музыке. Они ее не уважают. Во многом я виню за это школу. На мой взгляд, человек, закончив школу, обязан обладать хотя бы малыми навыками музицирования, рисования, знать важнейшие симфонические, оперные произведения. Само эстетическое воспитание должно быть в ряду первейших учебных дисциплин. Но этого нет, а если и есть, то из рук вон плохое.

Мне часто доводится бывать за границей. Естественно, сравниваю: как у них, как у нас? Что лучше, что хуже? Был в Японии, в городе Сендае. Наутро перед отъездом местный профессор музыки, большой, к слову, любитель русской классики, организовавший даже самодельный кружок русского романса, предложил поехать на гору, полюбоваться старинным храмом и видом на город. Приехали. Красивое место. Удивительный сад вокруг храма, дивные растения. Но больше меня поразили дети лет 12—13. Их было много, примерно десять школьных классов. Одеты по-спортивному, так, что могли сесть на камень, лечь на траву. У каждого мольбертик. Я решил посмотреть их работы. Что-то в этом понимаю, сын Максим учится в Суриковском

Увидел: один, бесспорно, одарен, другой в меньшей степени, третий весьма посредствен. Но все они — рисовали. На природе. Это был обычный урок.

Ну почему наши дети этого лишены? Почему у нас такое не может стать правилом? Ведь не все склонны к математике, литературе, спорту. Но учат в школе и читать, и считать, и подтягиваться на перекладине. А эстетика? Не нужна? Скучная материя?

В результате мы упускаем тысячи талантов, вовремя не увиденных, не раскрытых. В Московскую консерваторию приходят поступать и 30—40-летние люди. С отличными природными данными певцов. Поздно им уже становится студентами. Спрашиваем: «Где же вы раньше были? В семнадцать—двадцать лет? Неужто не пели?»

— Да как-то не придавали этому значения, — отвечают. — А тут друзья заметили, говорят: ну и голос! Прямо для консерватории!..

— Не связано ли это с тем, что люди у нас разучились петь? Просто так. Для себя или в гостях, как бывало прежде. Предпочитают больше слушать, как поют другие — по радио, телевидению...

— Да, да! У нас, к сожалению, обеднел музыкальный быт. Особенно в городах. Если раньше люди шли в гости, что-бы попеть, то сейчас первым делом хозяин включает

телевизор. Все! Контакт налажен. Но раньше и песни были другие. Слова понятны, есть смысл, легко петь. «Славное море, священный Байкал...», «Подмосковные вечера»... Помню, каждый новый фильм дарил хорошую песню. А сейчас? Последний подарок — разве что песенка крокодила Гены.

Я не знаю, как возродить домашнее музицирование, музыкальный быт? Сложно. Надо подумать вместе, без высокомерия относиться к песням под гармошку, к романсам под гитару. Из тех же бытовых романсов, между прочим, вышли романсы Даргомыжского, Глинки. От них пошел Мусоргский. И Рахманинов. И Свиридов.

— Но сейчас молодежь растет на других песнях. Какими людьми вы видите, к примеру, сегодняшних юных поклонников рок-музыки через 20—30 лет?

— Все же, думаю, это увлечение преходящее. Если же нет, если человек, став зрелым, обойдется без произведений, возвышающих, просветляющих душу, гармонии ему не достичь. Жизнь вряд ли можно будет считать полной. Сфера эмоциональных впечатлений наверняка будет суженной. Мы обнаруживаем в молодых равнодушие, отчуждение, виним в этом и их музыкальные увлечения, рок... Запретами, думаю, дело не исправить. Они вызовут упрямство, получится

конфронтация. Другим надо брать. Пропагандировать народную, классическую музыку. Вовлекать в нее с малых лет. Со школы.

— Каждый по-своему приходит в мир классической музыки. Или вовсе не приходит. Но расскажите, пожалуйста, как было у вас? Ведь вы, насколько известно, не из артистической семьи? Учились в инженерно-строительном институте...

— Да, отец мой был офицером. Но относились к музыке в нашей семье, как я сейчас понимаю, правильно. Была гитара, потом лет через пять-шесть после войны появилось старенькое пианино. Был патефон. Первые певцы, которых услышал на пластинках, — Шаляпин в монологе Бориса, Лемешев — куплеты Герцога из «Риголетто», Козловский пел Арлекина в «Паяцах»...

Это очень важно, чтобы в доме были книги, музыка, живопись. Я, к примеру, для Максима собирал библиотеку еще до его рождения. Думал так: Достоевский нужен, полный Пушкин — обязательно, «Илиада» Гомера... Потом, когда он подросток, увидел, что его больше интересует рисование. Насильно в оперу не водил, чтобы не вызвать отвращения. Это тоже важно — не быть деспотом, отнестись к ребенку с уважением. Маленький, но человек. Так воспитывали и меня.

Правда, судьба певцов особая. Если голос после мутации не появился, певцом, как ни люби это дело, не станешь.

— В книге «Размышления о профессии» вы цитировали Чайковского: «Вдохновение — это такая гостья, которая не любит посещать ленивых». Но вам, кажется, «лениться» некогда...

— К сожалению, творчество в моей жизни занимает в последнее время не первое место. С такой же интенсивностью, как выступаю, я занимаюсь педагогической деятельностью. Возглавляю кафедру сольного пения в Московской консерватории. Есть и другие обязанности, от которых я не могу отказаться в силу гражданского долга. Скажем, считаю, что надо быть полезным в правлении Советского фонда культуры, во Всесоюзном музыкальном обществе. Просто обязан довести до конца дело, связанное с увековечением памяти Мусоргского на Псковщине. Когда я пою на сцене, мне, право же, легче. Но знать, видеть, как много может пользы дать людям музыка, и довольствоваться только тем, что я в ней, и достаточно, — нет, не могу...

8 января Евгению Евгеньевичу Нестеренко исполняется пятьдесят лет. Мы сердечно поздравляем его с юбилеем.

Вл. АРСЕНЬЕВ.
Фото В. АХЛОМОВА.

